

ДИАЛЕКТНЫЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ГРАНИЦЫ БОЛГАРСКИХ ГОВОРОВ

У статті досліджуються диференційні ознаки болгарських говірок та їх зв'язок з етнокультурними межами — специфікою одягу, національними танцями, обрядовими діями, етнопсихологією та ін.

Ключові слова: болгарська діалектологія, болгарські переселенські говірки, етнокультурна межа.

Differentiating sings of Bulgarian dialects and their connection with ethnocultural borders — the specific of garments, national dances and ceremonial acts, ethnopsychology etc — are investigated in the article.

Key words: Bulgarian dialectology, Bulgarian transmigratory dialects, ethnocultural borders.

Болгарские говоры традиционно делятся на восточные и западные по ряду фонетических, морфологических и лексических признаков, в основном, по рефлексам *ятя*: в западных говорах во всех позициях на месте *ятя* произносится *е* (*бел-бели, лето — летен, вера — верен*), а в восточных говорах так называемое *я променливо* (*бял-бели, лято-летен, вярә — верен*).

В области морфологии дифференцирующим является окончание глаголов настоящего времени в 1 л. мн. числа. В северо-восточной Болгарии это окончание — *м* (*четем, говорим*), а в западной — окончание — *ме*: *четеме, говориме*.

Восточный и западный болгарские ареалы отличаются не только диалектными особенностями, но и определенным культурным своеобразием. Ятевая граница является не только языковой, но и этнографической границей. Для Западной Болгарии характерно песенное многоголосье, белый мужской костюм, “четворно хоро (четворка, малашевско, мелнишко)”, которое танцуют “за пояс”, ритм которого вербализирован в повторяющемся возгласе танцующих: “Дръж се, земь, шоп те газ!” Восточней реки Искър хоро постепенно теряет-

ся, для севера характерно более медленное “право дунавско”, а для юга — “право тракийско хоро”.

К сказанному можно добавить и наличие *кукерских, сурвакарских* обрядов на востоке и их отсутствие в западном ареале. На востоке ходят *коледари и кукери*, а на западе — *сурвакари и бабугери (старци)*.

Проникновение черной одежды достигает ятовой границы, как и погребальный обряд “запрягане”, который используется с целью облегчения страданий тяжело умирающего. Этот восточный культ усиливает дифференциацию между восточным и западным ареалом болгарской этнокультуры.

Исследуя обычаи, связанные с рождением, свадьбой, погребением, этнографы приходят к выводу, что ятовая граница является не линией, а широким поясом, объединяющим линии, которые отражают как языковые явления, так и явления материальной и духовной культуры. Подтверждая сказанное, приводятся несколько названий, отражающих различия в болгарской духовной и материальной культуре востока и запада:

Восточный ареал:	Западный ареал:
хомот	ярем
харман	гумно
гусла	дудук
влак	брана
риза	кошуля
заговезни	поклади
таласъм, върколак	пльтеник.

Диалектологи отмечают также пары: *котка — мачка, крак — нога, булка — невеста, работя — бачкам, сладък — благ* и др.

Исследуя диалектные названия ласки (болг. *невестулка*), которые помогают реконструировать мифологический текст о ласке и ее брачно-эротической символике, ученые отмечают, что по бинарному противопоставлению *булка-невеста* названия можно разделить на восточные и западные (срв. *невестулка, невеска, невестица, небреска, булчичка, байнева булчица, кальманка*).

Дифференциация восточного и западного ареалов болгарской этнокультуры регистрируется не только в одежде и различных обрядах, а и в архитектуре, орудиях земледелия, ремесел [1: 145].

Анализ диалектной лексики позволяет также сделать вывод и этнопсихологического характера. Так, исследуя экспрессивную лексику болгарских говоров, болгарские диалектологи отмечают, что

названия, отражающие отрицательные черты, характерны западнее ятовой границы, а уменьшительно-ласкательные формы избыточны на востоке (главным образом во Фракии и Родопах). Восточные болгары проявляют большую уравновешенность и толерантность к человеческим недостаткам (срв. зап. *биковит* “упорный, твердоголовый”, *буцуняк* “твердоголовый”, *гръмодол* “говорящий громко”, *дрътлетина* “старик”, *немтура* “молчаливый”, *кентра* “заядливый”, *саможивляк* “необщительный”, *шашльо* “глупый, ненормальный”, *кекавец* “больной”, *калкануша* “небрежная женщина” и восточноболгарские уменьшительной формы: *очинки*, *рѣчинки*, *кърпинка*, *лединка*, *майчинка*, *муминка*, *Ораленце* (созвездие) и др.) [2: 123].

Данные Обобщающего тома болгарского диалектного атласа подтверждают тезис о широкой переходной транзитивной зоне изоглосс на разных языковых уровнях между восточными и западными говорами. Она однако не совпадает с основной ятовой изоглоссой, а охватывает широкий пояс, который включает как восточные, так и западные говоры. Так, лексические пары *косъм* — *влакно* ‘волосы’, *котка* — *мачка* ‘кошка’, *риза* — *кошуля* ‘рубашка’ дифференцируют не только восточные и западные говоры, но и восточнофракийские — южные [3: 123].

Традиционное противопоставление восточные — западные болгарские говоры не было релевантным для староболгарского периода, в то время более значимым было деление болгарской языковой территории на южные и северные диалекты.

Наиболее наглядно оно проявляется на фонетическом уровне и прежде всего по рефлексам *ятя* — перед слогом с мягким согласным в северо-восточных говорах произносится —*e*, а в юго-восточных — *'a* (*летен*, *верен*, *гулеми* — в северо-восточных говорах, и *л'атен*, *в'ар'ен*, *гол'ами* — в юго-восточных).

Диагностирующими являются также и степень редукции безударных гласных, нестабильность фонемы /x/, ударение в формах повелительного наклонения, частица будущего времени и др.

Общность южных говоров обнаруживается и на других языковых уровнях. Так, в южном ареале распространены сохранившиеся староболгарские формы винительного падежа на —*ен* — *камен*, *ремен*, *кремен*, *ечмен*, что говорит о старинности границы север-юг, о чем не раз говорили и ранее диалектологи.

Как отмечает известный болгарский диалектолог И.Кочев, деление север-юг является наиболее архаичным: “Если бы мы снова

попытались ответить на вопрос, поставленный некогда Б.Цоневым: “Какие новоболгарские говоры находятся ближе всего к староболгарским” (но уже комплексно на всех уровнях, т. е. не только на лексическом), то ответ определенно может быть только один — юго-восточные” [4: 21].

Важность изучения южнофракийских говоров неоднократно отмечалась славистами. Это обусловлено отчасти и тем фактом, что, по мнению Ст. Младенова, они представляют собой естественное продолжение родопских и солунских говоров, носителями которых, как известно, были Кирилл и Мефодий. Не следует забывать и о том, что говор села Сухо близ Солуни, описанный Облаком в 1898 г., принадлежит также к южным *о*-диалектам. В результате исследования юго-восточных болгарских говоров Т. Бояджиев приходит к выводу, что общность южнофракийских говоров с солунскими является не результатом взаимодействия, а следствием “былой и настоящей общности всех южноболгарских диалектов” [5: 89].

К диагностирующим чертам юго-восточных болгарских говоров следует отнести и лексемы свадебной терминосистемы: *главеж, главеник, главеница, препив, замески, слугняк, измекчия, либовник*.

Только для переселенцев из Южной Болгарии характерны названия передсвадебного обряда, образованные от корня *пи-/пой-*: *препив, препев, перепев*, указывающие на широкое распространение практики скрепления договора при помощи совместной трапезы и распивания вина или ракии и их значимость в обряде. В балканских говорах в названии предсвадебного обряда эксплицитно представлена семантика “говорения”: *удумвани, обдумване* и т. п. (от гл. *думам* ‘говорить’).

Диагностирующими для севера и юга являются названия предсвадебного обряда: *засевки — засяф, засефки* или *квас* в северо-восточных говорах и *замески, замяски, замиски* в южных (фракийских).

Среди названий обрядовых лиц диагностирующими в исследуемых говорах могут быть названия сватов. Так, в метрополии в Восточной Болгарии сватов называют *сватовници, женихли*, во Фракии — *слубаре, слугами, сгодичаре, прателци, прателници, момаре* (Родопи, Фракия), в Страндже — *слюбници* у рупцев, *глаवेशници* — у загорцев, *прателници* — у тронков.

Исследование свадебной терминосистемы доказывает, что и в настоящее время в исследуемом регионе сохраняется общность южных говоров с мизийскими, что подтверждается некоторыми лексическими вкраплениями, названными Б.Цоневым рупщинами — *рупцизмами*.

Обязательным для переселенцев из Южной Болгарии является, например, наличие некоторых артефактов — перстня на помолвке, орехов в решете и др., что не характерно для переселенцев из Северной Болгарии, носителей северо-восточных болгарских говоров.

Как известно, переселение болгар на территорию Бессарабии осуществлялось преимущественно из северо-восточных и юго-восточных болгарских земель. Т.е. все исследуемые переселенческие говоры (кроме говора с. Терновки в Приазовье) относятся к восточным. Поэтому в Украине более релевантным оказывается противопоставление северные — южные болгарские говоры. В целом, в северо-восточных болгарских говорах диаспоры обнаруживаем черты и тенденции, свойственные вокалическим языкам, а в юго-восточных — консонантным [6: 51]. На лексическом уровне при разграничении север — юг наиболее характерны противопоставления *дъщеря* — *щерка* 'дочь', *стан* — *разбой* 'ткацкий станок', *зеле* — *лахна* 'капуста', *гълча* — *хортувам* 'говорить', *черница*, *ягода* — *дудала* 'шелковица', к ним можно добавить также лексемы, характерные для фракийских говоров, — *джубринки* 'шкварки', *пашмол* 'кокон', *кутел*, *върбило*, *карпуза*, *куптор*, *л'улек* 'аист' и др.

В календарной обрядности среди наиболее ярких особенностей представителей основных этнографических групп бессарабских болгар исследователи отмечают: длительное сохранение праздника *Кукеровден* у фракийских болгар, не зафиксированного в других группах, напротив, только у мизийцев-туканцев и балканцев-твардичан зафиксированы "волчьи праздники", известные также гагаузам; календарный цикл балканцев отличается наиболее развитым комплексом обрядов, связанных с культом мертвых; обряды "охраны чеснока" на Андреевден существуют только у мизийцев (как и у гагаузов); в питании — различными способами приготовление основного культового блюда из баранины — курбана: бульон с вареным мясом — у балканцев, тушеная баранина с пшеничной крупой или рисом или без них — у мизийцев (как у гагаузов), и баран, запеченный целиком над открытым огнем, — у фракийцев.

Таким образом, анализ диагностирующих диалектных элементов необходимо дополнить поиском глубинных "этнокультурных сигналов", многие из которых скрываются в самих закономерностях организации мотивационной структуры обрядовой терминосистемы. Он должен проводиться комплексно, с учетом локальной специфики артефактов, названий блюд, изделий из теста, реквизита и т. п.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вакарелски Хр. Етнография на България / Хр. Вакарелски. — София : Наука и изкуство, 1977. — 676 с.
2. Павлова Н. Диалектология и етнокултура / Н. Павлова // Българистични студии. — 1995. — С. 121–126.
3. Тетовска-Троева М. Български диалектен атлас. Обобщаващ том — същност и резултати / М. Тетовска-Троева // Българският език през XX век. — 2001. — № 3. — С. 117–124.
4. Кочев И. За основните проблеми на българската диалектология / И. Кочев // Български език. — 1984. — № 2. — С. 115–121.
5. Бояджиев Т. Българските говори в Западна (Беломорска) и Източна (Одринска) Тракия / Т. Бояджиев. — София : Св.Климент Охридски, 1991. — 276 с.
6. Колесник В. А. К вопросу о статусе фракийских говоров болгарских сел Юга Украины / В. А. Колесник // Слов'янський збірник. — 1996. — Вып. 1 — С. 50–55.